

А.С.Ахременко, И.М.Локшин, Е.А.Юрескул ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА В АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ: «НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО»¹

Ключевые слова: продуктивность факторов производства, политический курс, экономический рост

Введение

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Влияние обратных связей в системе „государство — общество“ на процессы перераспределения ресурсов и перспективы экономического роста в демократических, авторитарных и гибридных режимах», реализуемой Лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов.

Исследование влияния политических факторов на экономическое развитие — одна из ключевых тем новой политической экономии. Внутри этого большого тематического блока можно выделить ряд частных сюжетов, в числе которых — объяснение вариаций в экономическом развитии стран с недемократическими (авторитарными) политическими режимами.

Настоящая статья посвящена вопросу о том, каковы условия, создающие возможности для экономического роста в авторитарных режимах. Ее вклад в разработку упомянутой проблемы, на наш взгляд, определяется четырьмя обстоятельствами. Во-первых, в ней используется необычный для политической экономии методологический подход (строится динамическая математическая модель), позволяющий учесть динамический характер развития экономики. Во-вторых, в предлагаемой нами модели преодолевается или смягчается ряд ограничений, свойственных традиционным подходам к анализу политики в авторитарных режимах. В-третьих, в этой модели впервые (насколько нам известно) эксплицитно анализируется взаимодействие политических реалий авторитаризма (разумеется, в сильно упрощенном виде) с важнейшей экономической характеристикой, во многом отвечающей за экономический рост, — совокупной продуктивностью факторов производства (total factor productivity, TFP). В-четвертых, данная модель охватывает сразу три уровня объяснения экономической динамики в авторитарных режимах: уровень «agency», i.e. конкретных решений властной элиты по поводу политического курса; уровень взаимодействия «agency» и «structure», i.e. уровень институтов, действующих в авторитарных режимах; уровень «structure», i.e. фундаментальных социокультурных и/или экономических параметров, задающих наиболее общие перспективы для экономического роста.

В результате анализа динамической модели мы приходим к следующим важным выводам: 1) TFP является ключевым фактором, влияющим на ширину коридора успешных (то есть обеспечивающих экономический рост) политических курсов, тем самым определяя

устойчивость экономики к «плохим» политическим решениям; 2) чем выше TFP, тем легче согласовывать экономические интересы разных групп общества; 3) TFP значительно влияет на политическую стабильность (что подтверждается эмпирическими тестами).

**Условия,
способствующие
экономическому
росту
в авторитарном
контексте**

² McGuire, Olson 1996; Rodrik 2000; Acemoglu, Johnson, Robinson 2001; Kurzman, Werum, Burkhart 2002; Acemoglu 2003, 2006; Rodrik, Subramanian, Trebbi 2004; Rigobon, Rodrik 2005; Deacon 2009; North, Wallis, Weingast 2009; Acemoglu, Naidu et al. 2014.

³ Olson 1993.

⁴ Сходные взгляды на происхождение государства были высказаны Чарльзом Тилли еще в 1985 г. (см. Tilly 1985).

В исследованиях, посвященных влиянию политического устройства на состояние экономики, обычно указывается на то, что либерально-демократические институты благоприятствуют экономическому развитию, тогда как авторитаризм оказывает на него негативное воздействие². Обоснованность последнего утверждения легко может быть поставлена под сомнение ввиду наличия целого ряда стран с недемократическим устройством, бурно развивающихся экономически. Наиболее яркими примерами здесь, бесспорно, являются Китай и Сингапур, но можно вспомнить и о Республике Корея до установления в ней демократического режима, о Чили при Аугусто Пиночете, а также о Тайване на протяжении большей части его современной истории.

Вместе с тем в литературе об экономическом развитии в авторитарном контексте высказано несколько интересных гипотез относительно условий, создающих возможности для экономического роста в недемократических (авторитарных) режимах. Так, согласно одной из них, имеются механизмы, сближающие экономические интересы автократа (или лиц, принимающих политические решения при авторитарном режиме) с интересами части населения, обеспечивающей экономический рост. Важнейшими из этих механизмов являются, наверное, длинный горизонт планирования и «широта интереса».

Оба механизма сближения интересов раскрыты в статье Мансура Олсона «Диктатура, демократия и развитие»³, но, поскольку для динамической модели, представленной ниже, имеет значение главным образом первый из них, мы сосредоточимся именно на нем.

Напомним, что в соответствии с предложенной Олсоном моделью возникновения государства в процессе институционализации насилия и принуждения⁴ существует два вида «бандитов» — кочующий и оседлый (стационарный). Кочующий бандит переходит от одного населенного пункта к другому, практически полностью разграбляя их: его интерес, состоящий в личном обогащении, прямо противоположен интересам населения. Стационарный бандит тоже заинтересован в обогащении, но он базируется в одном месте и собирает дань с местного населения. Эта дань (позже она трансформируется в налоги) не может быть чрезмерной, поскольку стационарный бандит, в отличие от кочующего, «кормится» с одной и той же территории и ее разграбление на этапе t оставит его ни с чем на этапе $t + 1$ (не только вследствие исчезновения ресурсов, которые могли бы дать прирост богатства в будущем, но и потому, что у тех, кто знает, что их продукт будет кем-то присвоен, не будет стимулов что-либо производить; последний фактор напрямую связан с проблемой защиты прав собственности).

Отталкиваясь от приведенных выше рассуждений, Олсон приходит к выводу, что стационарный бандит выберет такой размер дани (налога), который будет максимизировать его прибыль в долгосрочной перспективе, и именно благодаря более длинному, чем у кочующего бандита, горизонту планирования он станет создавать условия для процветания своих подданных. В этом и заключается «невидимая рука» политики: преследуя исключительно свои частные интересы, стационарный бандит в какой-то мере удовлетворяет и интересы населения.

Несмотря на то что модель Олсона весьма популярна и активно используется при объяснении успеха авторитарных режимов (на нее опирались, например, Адам Пшеворский и его соавторы⁵), у нее имеется ряд недостатков, которые позволяет устранить (хотя бы частично) предлагаемый нами подход. Отметим наиболее важные (с точки зрения рассматриваемой здесь проблематики) из них.

⁵ Przeworski, Alvarez et al. 2000.

1. В модели ничего явным образом не говорится о наличии в обществе разных групп интересов (помимо «населения в целом» и самого автократа). Более того, постулируется, что интересы населения непременно коррелируют с экономическим ростом, хотя население неоднородно и, наряду с «продуктивными» группами, в нем существуют и «непродуктивные», ориентированные на извлечение ренты в той или иной форме. В нашей модели эти различия улавливаются посредством выделения двух общественных групп, интересы одной из которых («капиталистов») действительно связаны с ростом, в то время как интересы другой («рантье») состоят лишь в непродуктивном перераспределении благ. Автократ может встать на сторону как «капиталистов», так и «рантье».
2. В модели предполагается, что у стационарного бандита очень длинный или даже бесконечный горизонт планирования. Это чрезвычайно сильное допущение, особенно в свете того, что диктаторы стареют, а в пожилом возрасте фактор дисконтирования должен снижаться⁶. Конечно, многое зависит от того, в какой степени авторитарный режим является персоналистским: не случайно в статье Олсона анализируется вариант абсолютной монархии, где стремление передать трон потомку может мотивировать стационарного бандита не слишком дисконтировать будущее, даже когда его правление подходит к концу. Тем не менее общая проблема состоит в том, что олсоновская модель рассматривает два полярных случая: у кочующего бандита горизонт планирования очень мал, у стационарного — очень велик. Между тем в реальности мы видим всевозможные промежуточные ситуации. Данное упрощение может быть компенсировано путем эксплицитного введения в модель фактора дисконтирования, что позволит теоретически учитывать любую величину горизонта планирования.
3. В модели диктатор не сталкивается с угрозами своему политическому выживанию, благодаря чему он может свободно выбирать между состояниями постоянного «кочевания» и длительной «оседлости»⁷.

⁶ Haber 2008.

⁷ Ibidem.

⁸ *Wintrobe 2000; Bueno de Mesquita, Smith et al. 2002.*

Другими словами, перед диктатором фактически не встают те дилеммы, которые в реальности серьезно отражаются на правлении авторитарных лидеров⁸. Наша модель позволяет учесть одну из таких дилемм, а именно дилемму, связанную с решением вопроса о том, на какую из групп населения ориентироваться при выборе политического курса: на «рантье» или на «капиталистов»?

⁹ *Wintrobe 2009.*

4. В модели подразумевается, что в случае превращения бандита в стационарного его интересы неизбежно начинают пересекаться с интересами подчиненного населения. Однако история знает немало жестоких правителей, полностью ориентированных на самих себя, причем подобные установки часто коррелируют с длительностью пребывания у власти⁹. Иначе говоря, длительное правление конкретного автократа вполне может оказаться крайне тяжелым для населения (в пример можно привести Иосифа Сталина в СССР, Мао Цзедуна в Китае, семейство Кимов в КНДР, семейство Дювалье на Гаити, Роберта Мугабе в Зимбабве, Рафаэля Трухильо в Доминиканской Республике, Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга в Конго и т.д.). По сути, речь идет о возможности сочетания длительного правления и длинного горизонта планирования с «плохой» (в смысле экономического развития) экономической политикой, которая в модели Олсона фактически отсутствует¹⁰. В нашей модели такая возможность учитывается.

¹⁰ *Справедливости ради нужно отметить, что ряд исследований подтверждает гипотезы Олсона (см., напр. Holcombe, Boudreaux 2013; Kurrild-Klitgaard, Svendsen 2003).*

В литературе по политической экономии авторитарных режимов (в том числе и в рассматриваемой работе Олсона) часто предполагается, что создание общественных благ благоприятствует экономическому росту¹¹. На практике, однако, дело не всегда обстоит таким образом: именно под прикрытием предоставления общественных благ иногда осуществляется неэффективное перераспределение¹² и происходит извлечение ренты¹³. В нашей модели это обстоятельство также принимается во внимание.

¹¹ *Olson 1993: 568; Bueno de Mesquita, Smith 2010; Shen 2007.*

¹² *Robinson, Torvik 2005.*

¹³ *Akhremenko, Petrov 2014.*

Авторы, занимающиеся проблемами экономического развития в авторитарном контексте, выделяют и другие политические условия, способствующие экономической эффективности автократий. Но поскольку для нашей модели они имеют меньшее значение, чем концептуальные рамки, заданные Олсоном, мы опустим их критическое обсуждение, ограничившись простым их перечислением и указанием на связь с предлагаемой моделью. К этим условиям относятся: решение проблемы достоверности обязательств (credible commitment problem)¹⁴, дисциплинирование авторитарного лидера селектором¹⁵, а также наличие каналов артикуляции интересов, позволяющих учитывать запросы граждан и повышающих качество государственного управления¹⁶.

¹⁴ *North, Weingast 1989; Magaloni 2008; Gandhi, Przeworski 2007.*

¹⁵ *Barro 1973; Besley, Kudamatsu 2007; Polishchuk, Syunyaev 2014.*

¹⁶ *Charron, Lapuente 2011.*

Во всех трех упомянутых случаях речь, по сути, идет об одном и том же, а именно о возможности того, что решения автократа разойдутся с предпочтениями существующих в обществе групп интересов. Очевидно, что автократ, не связывающий себя институтами ради обеспечения

достоверности обязательств и не дисциплинируемый селектором или какой-то его частью, обладает гораздо большей свободой в выборе политического курса, игнорирующего предпочтения различных групп общества. Сходные последствия имеет и плохая работа каналов обратной связи, затрудняющая трансляцию таких предпочтений на высший политический уровень: в подобной ситуации автократ может просто не знать, в чем эти предпочтения состоят, и даже при желании их учесть «не попасть» в область политических курсов, удовлетворяющих интересы социальных групп. С точки зрения результата это эквивалентно тому, что происходит при нерешенности проблемы достоверности обязательств и при отсутствии дисциплинирующего воздействия со стороны селектора: проводимый автократом курс оказывается слабо связан с общественными предпочтениями. В нашей модели рассматриваются обе перспективы: и то, что автократ в состоянии достаточно корректно учитывать интересы той или иной социальной группы, и то, что он способен выходить за пределы политических курсов, отвечающих интересам социальных групп.

Перечисленные выше условия экономического развития в авторитарных режимах, как и выделенные в модели Олсона, *de facto* являются функциональными заменителями (возможно, несовершенными) некоторых демократических институтов или факторами, способствующими возникновению таких функциональных заменителей. Мейнстримное направление в политической экономии традиционно ставит во главу угла действия властной элиты по поддержанию экономического роста (в духе рекомендаций Вашингтонского консенсуса)¹⁷ или же институциональные механизмы, в том числе или даже по преимуществу политические¹⁸. Однако существуют, разумеется, и иные параметры «среды», либо непосредственно влияющие на экономический рост, либо воздействующие на него косвенным образом. К таким параметрам относят человеческий¹⁹ и социальный капитал²⁰, географические условия²¹, тип правовой системы²², политическую стабильность²³, культурные и ценностные характеристики общества²⁴, включая доверие²⁵, а также совокупную продуктивность факторов производства²⁶.

В предлагаемой ниже модели мы делаем упор именно на TFP как на ключевой экономической переменной, имеющей огромное политическое значение, показывая на ее примере, какого рода факторы необходимо учитывать при осмыслении закономерностей экономического роста в авторитарном контексте. Концентрация внимания на состоянии политических (квази)институтов не позволяет должным образом объяснить всю вариативность паттернов развития при авторитарных режимах. Более того, как демонстрирует модель, крайне важным является *взаимодействие* факторов роста, располагающихся на разных уровнях. Успех политического курса, избранного властной элитой (включая ту, чья свобода ограничена институтами), во многом зависит от фундаментальных драйверов роста, к каковым мы относим в первую очередь TFP.

¹⁷ Действиям властной элиты отводится центральная роль и в ряде исследований, направленных на объяснение экономических неудач или провалов в государственном управлении (см., напр. Hellman 1998; Jones, Olken 2005; Мельвил, Стукал, Миронюк [Melville, Stukal, Mironyuk] 2013).

¹⁸ Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast] 2011; Acemoglu, Robinson 2013.

¹⁹ Glaeser, La Porta et al. 2004.

²⁰ Woolcock, Narayan 2000.

²¹ Gallup, Sachs, Mellinger 1998; Даймонд [Diamond] 2010.

²² La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer 2008.

²³ Alesina, Özler et al. 1996.

²⁴ Licht, Goldschmidt, Schwartz 2007; Tabellini 2008.

²⁵ Algan, Cahuc 2010.

²⁶ Easterly, Levine 2001.

- Поскольку данный показатель будет играть чрезвычайно важную роль в нашей модели, остановимся на нем подробнее. В политэкономической литературе TFP традиционно трактуется как уровень технологического развития²⁷, однако подобная интерпретация — лишь одна из множества возможных. Строго говоря, TFP представляет собой «остаточную» категорию — она вбирает в себя все неучтенное в спецификации факторов производства. Иными словами, TFP отвечает за те изменения в выпуске, которые не объясняются изменениями в производственных факторах, поэтому часть специалистов характеризует ее как «меру нашего незнания»²⁸. В то же время существуют и гораздо более насыщенные теоретически трактовки. Ряд исследователей рассматривает TFP в институциональном ключе — как показатель качества «правил игры» в обществе. Так, Роберт Холл и Чарльз Джонс вводят специальное понятие социальной инфраструктуры, охватывающее собой «институты и правительственную политику, формирующие экономическую среду, в рамках которой индивиды накапливают знания и умения, а фирмы аккумулируют капитал и производят продукцию»²⁹. Согласно еще одной интерпретации, TFP отражает степень сопротивления адаптации новых и эффективному использованию уже имеющихся технологий (чем ниже показатель, тем выше сопротивление)³⁰, то есть улавливает склонность общества к внедрению и применению инноваций. Высказывалось также мнение, что TFP фиксирует уровень реальных издержек производства, сокращение которых (i.e. рост TFP) может иметь разнообразные источники³¹; в некоторых концепциях роль TFP аналогична роли социального капитала³². Но, подчеркнем, ни одна из интерпретаций не является предметом консенсуса, и есть основания полагать, что создание «общей теории» TFP могло бы значительно углубить наше понимание долгосрочного экономического роста³³.
- Нам известно очень мало исследований, в которых режимная проблематика в явном виде соединялась бы с рассмотрением TFP. Из исключений можно отметить статью Франсиско Риверы-Батиза, в которой утверждается, что демократия препятствует распространению коррупции, а это, в свою очередь, стимулирует технологические изменения и повышает TFP³⁴. Таким образом, демократия оказывается косвенным детерминантом TFP. О том, что демократия положительно сказывается на TFP, тем самым стимулируя приток прямых иностранных инвестиций, благоприятствующих экономическому росту, говорится и в исследовании Селен Гверин и Стефано Манцокки³⁵. Другими словами, в существующей литературе связка между политическим режимом и TFP если и прослеживается, то преимущественно в духе того, что демократия позитивно влияет на TFP. Работ, где данный показатель анализировался бы в связи с экономическим развитием в авторитарных режимах, нам найти не удалось.

²⁷ Przeworski 2004.

²⁸ Hulten 2001.

²⁹ Hall, Jones 1999: 84.

³⁰ Prescott 1998.

³¹ Harberger 1998.

³² Woolcock 1998.

³³ Prescott 1998.

³⁴ Rivera-Batiz 1999.

³⁵ Guerin, Manzocchi 2009.

Модель

Перейдем теперь к описанию предлагаемой нами динамической математической модели, включающей экономический «двигатель» и подсистему принятия политических решений. Динамический характер модели обусловлен в первую очередь необходимостью учета (а) эффектов горизонтов планирования, придания неодинаковой ценности моментам времени, по-разному удаленным от настоящего; (б) краткосрочных и долгосрочных последствий различных политических курсов.

Экономический блок отображает прежде всего процесс генерирования выпуска и сопряженные с ним процессы инвестирования ресурсов в капитальные активы. Они регулируются набором управляющих параметров двух типов, один из которых связан с эффективностью (продуктивностью) системы, а другой — с проводимым политическим курсом (policy). Центральным параметром продуктивности является TFP; на сегодняшний день она определяется экзогенно в рамках экономического блока. Динамика экономической системы зависит от набора управляющих параметров, которые и представляют собой политический курс. Выбор курса осуществляется в рамках политического блока, и центральную роль здесь играет определение автократом своей позиции по отношению к общественным группам с несовпадающими экономическими интересами. Интересы трактуются через призму микроэкономической теории полезности (utility): индивиды считаются принадлежащими к разным группам интересов в том случае, если изменение какого-то управляющего параметра оборачивается для них разнонаправленными изменениями полезности. В данной модели расхождения в интересах связаны с разным положением в системе производства и распределения: одна группа получает доходы от производительной деятельности, вторая — от бюджетного перераспределения ресурсов.

В основе экономического блока модели лежит производственная функция Кобба-Дугласа с двумя факторами производства: частным (K) и публичным (G) капиталом. Под частным капиталом понимаются все физические и финансовые ресурсы, находящиеся в частной собственности и используемые в процессе генерирования выпуска (Y)³⁶. Публичный (государственный) капитал³⁷ включает в себя материальную инфраструктуру, создаваемую и поддерживаемую государством (сети распределения электроэнергии, железные и автомобильные дороги, канализационные системы и т.д.)³⁸. Ключевые свойства публичного капитала — неисключаемость и неконкурентность; он представляет собой общественное благо и именно поэтому может формироваться только за счет средств государственного бюджета. Таким образом, в центре нашего внимания оказывается взаимодействие частных и государственных ресурсов в процессе производства благ:

$$Y(t) = AK^\alpha(t)G^{1-\alpha}(t).$$

Эластичность выпуска (α , $1-\alpha$) по обоим факторам производства в сумме равна единице, то есть при увеличении обоих факторов

³⁶ Эмпирический аналог выпуска — валовой внутренний продукт (ВВП).

³⁷ Подробнее о публичном капитале см. Crowder, Himarios 1997; Pereira, Roca-Sagales 2003; Kamps 2005; Keefer, Knack 2007; Arslanalp et al. 2010.

³⁸ При более широком определении к нему относят все общественные блага, которые могут (хотя бы в принципе) быть оценены в денежной форме: уровень защиты прав собственности, общественной безопасности, развития системы образования и здравоохранения и т.д.

на 1% выпуск увеличивается тоже на 1% (так называемые постоянные эффекты масштаба). Запасы частного и государственного капиталов и, следовательно, выпуск меняются во времени; постоянными (во времени) величинами являются эластичности и общая производительность факторов A .

Выпуск Y облагается налогом по ставке $\tau = [0, 1]$, полученные средства образуют государственный бюджет $I(t)$:

$$I(t) = \tau Y(t).$$

Динамика частного капитала описывается простым уравнением:

$$K(t+1) = (1-\tau)Y(t).$$

Другими словами, частный капитал образуют средства, не изъятые в виде налогов в предыдущий момент времени.

Несколько более сложной является динамика публичного капитала. Во-первых, без инвестиций со стороны государства он устаревает (скорость этого процесса задается коэффициентом обесценивания δ). На его восполнение расходуется доля $\gamma = [0, 1]$ государственного бюджета; в итоге поток бюджетных инвестиций в публичный капитал представляет собой $\gamma I(t)$. В целом динамика публичного капитала выглядит следующим образом:

$$G(t+1) = (1-\delta)G(t) + \gamma I(t).$$

Средства в размере $(1-\gamma)I(t)$, то есть оставшаяся часть государственного бюджета, становятся доходом групп, не участвующих в производстве выпуска. На данном уровне обобщения к таковым могут быть отнесены самые разные слои населения — от пенсионеров и безработных до сотрудников государственного аппарата. Коррупционеры, получающие доход от распределения бюджетных потоков, тоже вполне вписываются в эту категорию. Ключевая особенность доходов подобных групп заключается в том, что в их основе лежит не производительная, а распределительная деятельность, поэтому в дальнейшем мы будем именовать доходы $(1-\gamma)I(t)$ *рентой*.

Итак, приведенные выше уравнения характеризуют экономический «двигатель» модели. Управляющими параметрами экономической динамики, на которых будет сосредоточено наше внимание, являются обобщенная ставка налога τ и уровень государственных инвестиций в публичный капитал γ . Сочетание (τ, γ) определяет конкретную политику, а плоскость (τ, γ) мы будем далее называть *пространством политических курсов*.

Ограниченные рамки статьи не позволяют нам представить здесь полный математический анализ влияния политических курсов на поведение системы, поэтому отметим лишь ключевые моменты.

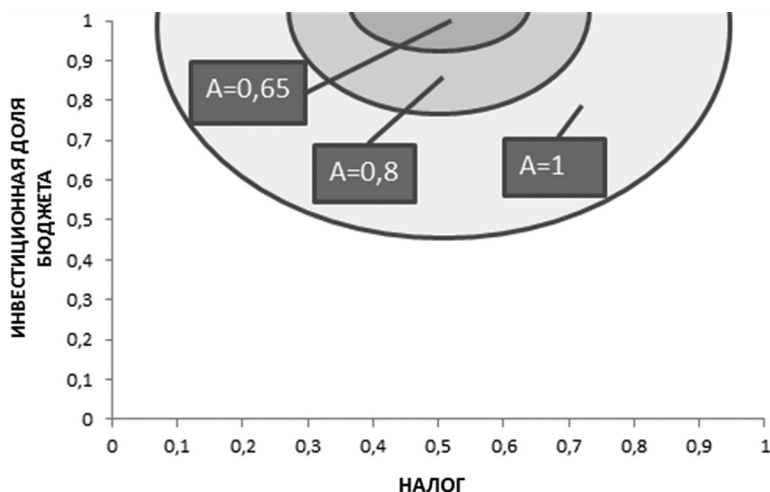
Со временем динамика частного и публичного капиталов, а также выпуска входит в один из двух стационарных режимов: а) экспоненциальный (ускоряющийся) рост или б) замедляющийся спад (величины асимптотически стремятся к нулю). Таким образом, в *долгосрочной перспективе* возможны всего два сценария: рост и спад. Однако в *краткосрочной перспективе* запасы капиталов могут меняться разнонаправленно; например, может происходить уменьшение запаса частного капитала и увеличение запаса капитала публичного или наоборот. Это важно с точки зрения различения долгосрочных и краткосрочных последствий различных экономических политик.

Реализация в долгосрочной перспективе сценария роста или спада обусловлена выбираемым курсом (τ, γ). Общая логика такова: снижение доли государственных инвестиций в публичный капитал всегда ведет к снижению темпов роста, тогда как величина ставки налога влияет на них нелинейно. Чрезмерно высокая налоговая нагрузка влечет за собой недостаточное пополнение частного капитала; слишком низкие налоги не позволяют поддерживать публичную инфраструктуру.

Но какая именно политика приведет к развитию или упадку, зависит от значения TFP (A). Чем выше продуктивность факторов производства, тем шире набор курсов, выводящих систему на траекторию долгосрочного развития; иными словами, тем больше площадь «зоны роста» в пространстве политических курсов (см. *рис. 1*). Фактически вместе с ростом A растет и устойчивость экономики по отношению к принятым политическим решениям.

Отметим, что если значение TFP оказывается ниже некоторого критического порога (в данном случае составляющего около 0,65), об-

Рисунок 1 Пространство политических курсов, ведущих к росту

ласть успешной политики полностью исчезает; любой курс в долгосрочной перспективе приводит к спаду.

Обратимся теперь к политической части модели, связанной с механизмами выбора курса — определением значений параметров τ и γ . Пусть в обществе имеются две группы интересов. Первую из них мы уже фактически охарактеризовали — это группа, получающая бюджетную ренту («рантье»). Функция полезности репрезентативного индивида этой группы (в формулах будем обозначать ее нижним индексом R) выглядит следующим образом:

$$U_R = \sum_{t=1}^{\infty} \sigma^{t-1} [(1-\gamma)I(t)].$$

В этой формуле $\sigma = [0, 1]$ представляет собой дисконтирующий множитель (или дисконт-фактор), позволяющий учесть относительную ценность близких к настоящему моментов времени по сравнению с отделенными. Более строго: дисконт-фактор позволяет выразить в текущей стоимости будущие доходы. Например, при $\sigma = 1$ рубль, полученный сегодня, имеет ту же субъективную ценность, что и рубль, полученный в сколь угодно отдаленном будущем. При $\sigma = 0,2$ текущая стоимость одного рубля, полученного через четыре момента времени, составит менее одной копейки. Важно подчеркнуть, что функция полезности такого типа³⁹ отражает представления индивида о своих суммарных будущих доходах.

³⁹ Активно используемая в политэкономической литературе (см., напр. Battaglini, Nunnari, Palfrey 2012).

Вторая группа интересов в нашем модельном обществе — это люди, получающие доход от производительной деятельности («капиталисты»); они заинтересованы в увеличении частного капитала (обозначим их нижним индексом C). Их функция полезности имеет принципиально тот же вид, что и у «рантье», но ее аргументом является капитал $K(t)$:

$$U_C = \sum_{t=1}^{\infty} \psi^{t-1} [(K(t))].$$

В общем случае мы допускаем, что значение дисконт-фактора ψ для «капиталистов» может отличаться от соответствующей величины для «рантье». Однако практически в данной работе мы будем рассматривать только случай $\sigma = \psi$. Значение дисконт-фактора устанавливается в модели экзогенно.

И размер частного капитала, и размер ренты в каждый момент времени зависят от выбранного политического курса. Соответственно, каждому курсу (τ , γ) можно сопоставить определенные значения функций полезности каждой из групп. Мы будем исходить из принятого в теории рационального выбора представления о максимизации полезности. Следовательно, для каждой из групп существует наиболее предпочтительный политический курс, при котором ее полезность максимальна. Другими словами, каждая группа при заданных параметрах имеет свою идеальную точку в пространстве экономической политики: (τ_R, γ_R) для «рантье» и (τ_C, γ_C) для «капиталистов».

Особо отметим, что ни при каких условиях эти идеальные точки не будут совпадать; интересы групп действительно *разные*. Так, «капиталистам» было бы выгодно, если бы все средства государственного бюджета направлялись на инвестиции в публичный капитал ($\gamma = 1$), что принципиально неприемлемо для «рантье», ибо в таком случае их рента обнулится. Различия в интересах носят фундаментальный характер именно потому, что доходы групп привязаны к разным процессам в экономической системе.

Наконец, в модели имеется (имплицитно) авторитарный лидер, который принимает окончательное решение о политическом курсе. В основу такого решения могут быть положены разные критерии. Опираясь на анализ литературы и особенности построенной модели, выделим набор возможных стратегий его принятия.

А) *Ориентация на группы интересов*. Решение лидера здесь явным образом определяется предпочтениями групп, в нашем случае — идеальными точками «рантье» и «капиталистов», причем эти предпочтения ему достоверно известны (то есть проблема обратных связей считается решенной). «Привязка» автократа к группам интересов может быть институционально обусловлена либо феноменом дисциплинирования, либо стремлением решить проблему достоверных обязательств, либо сочетанием этих факторов. Формально при данной стратегии выбираемый автократом политический курс $(\tau_{auto}, \gamma_{auto})$ представляет собой взвешенную комбинацию идеальных точек двух заинтересованных групп:

$$(\tau_{auto}, \gamma_{auto}) = (w\tau_R + [1-w]\tau_C, w\gamma_R + [1-w]\gamma_C),$$

где $w = [0, 1]$ — вес группы «рантье» (в восприятии автократа), а $1 - w$, соответственно, — вес группы «капиталистов». Так, при $w = 0,5$ выбором автократа станет середина отрезка, соединяющего идеальные точки двух групп в пространстве политических курсов. Это пример идеального баланса интересов. При $w = 1$ будет выбран политический курс, наиболее предпочтительный для «рантье», и это пример абсолютного доминирования одной группы. Возможны также любые промежуточные варианты. Содержательно определение весов может быть обусловлено достаточно широким набором соображений — от численности групп до принадлежности автократа к одной из них.

Б) *Ориентация на экономический рост*. В этом случае авторитарный правитель выбирает такую политику, которая в долгосрочной перспективе максимизирует рост выпуска. Назовем такую политику оптимальной точкой и обозначим (τ_O, γ_O) . Таким образом, стратегия автократа будет выглядеть так:

$$(\tau_{auto}, \gamma_{auto}) : (\tau_O, \gamma_O).$$

Эта стратегия в значительной мере созвучна модели «стационарного бандита» Олсона и имеет те же изъяны (предположение о неограничен-

ных информационных ресурсах и вычислительных возможностях автократа, игнорирование групп его поддержки и т.д.).

В) *Волюнтаризм*. В персоналистских автократиях выбор политического курса может быть связан с множеством трудноопределимых факторов, таких как психологические особенности лидера, влияние фаворитов и проч. Для формализации этого явления мы используем простейший подход, задавая выбор автократа случайной функцией:

$$(\tau_{auto}, \gamma_{auto}) : \phi(\tau, \gamma),$$

где ϕ — функция плотности равномерного распределения двумерной случайной величины. Отсюда следует, что точка автократа с одинаковой вероятностью может оказаться в любой части пространства политических курсов.

Можно также выделить две (как минимум) более сложные стратегии, являющиеся комбинациями рассмотренных выше.

Г) *Размытая ориентация на группы интересов* — комбинация стратегий А и В. Здесь допускаются случайные отклонения от точки на отрезке, соединяющем предпочтения групп. Формальное определение в данном случае может быть следующим. Точка, выбранная в соответствии с формулой:

$$(\tau_{auto}, \gamma_{auto}) = (w\tau_R + [1-w]\tau_C, w\gamma_R + [1-w]\gamma_C),$$

становится математическим ожиданием двумерной функции плотности нормального распределения со стандартным отклонением s . Последний параметр и определяет, насколько автократ может отклониться от поведения, заданного группами интересов. В результате вокруг «линии компромисса» образуется некая расплывчатая область, (нечеткие) границы которой задаются величиной стандартного отклонения. Содержательно наличие и границы такой области могут определяться как неполной компенсацией волюнтаризма автократа институтами дисциплинирования, так и сбоями в системе обратных связей: автократ не может достоверно идентифицировать групповые интересы.

Д) *Ориентация на экономический рост с оглядкой на группы интересов* — комбинация стратегий А и Б. Автократ выбирает в «области роста» такую точку, чтобы общее расстояние от нее до идеальных точек групп было минимальным. Проще это можно сформулировать так: как можно ближе к интересам групп, но при условии роста. При отсутствии «области роста» стратегия, вероятно, упрощается до чистой ориентации на группы интересов.

Общая для анализа всех стратегий посылка заключается в том, что при удалении точки автократа от точек групп интересов поддержка его сокращается. В явном виде это правило в модели на сегодняшний день не реализовано: проблема установления точной формы зависимости поддержки от расстояния между точкой автократа и идеальными

точками групп пока не имеет решения (очевидно лишь, что с увеличением расстояния поддержка должна уменьшаться). Однако при качественном анализе стратегий авторитарных лидеров фактор удаленности их предпочтений от предпочтений групп интересов вполне может быть принят во внимание.

Анализ модели

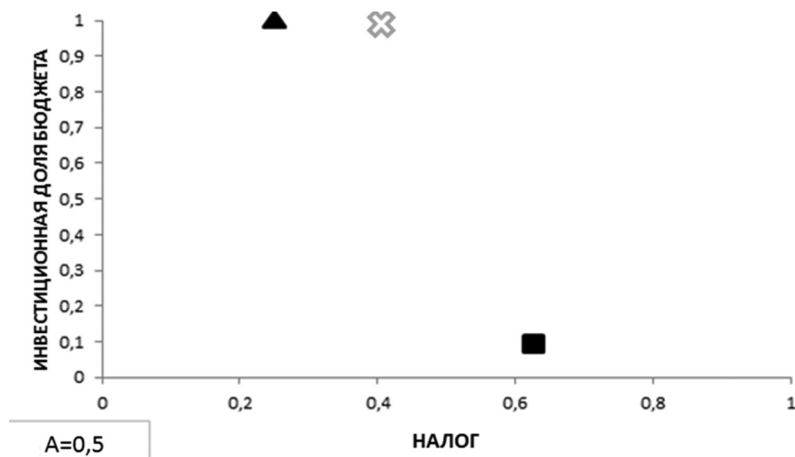
На данном этапе исследование модели осуществлялось с помощью вычислительного эксперимента, хотя в перспективе имеются неплохие шансы на получение общего аналитического решения. Технические характеристики эксперимента и его алгоритм приведены в *Приложении*.

Первые два исследовательских вопроса связаны с влиянием TFP и горизонтов планирования на положение идеальных точек групп интересов в пространстве политических курсов (как по отношению друг к другу, так и в плане принадлежности к «зоне роста»). Кроме того, нами будет проанализировано (качественно) влияние расположения идеальных точек (и, следовательно, эффект TFP и горизонта планирования) на возможные стратегии автократа.

Сначала рассмотрим группы «капиталистов» и «рантье», включающие в себя идеально-рациональных индивидов с бесконечным горизонтом планирования, в равной мере ценящих доходы, полученные в сколь угодно отдаленном будущем. В нашей модели это означает равенство дисконт-факторов единице ($\sigma = \psi = 1$). Рассчитаем идеальные точки групп и границы «зоны успеха» при различных значениях TFP.

Начнем со значения TFP ниже критического порога ($A = 0,5$), когда отсутствуют политические курсы, ведущие к экономическому росту. На *рис. 2* (как и на последующих) идеальные точки «капиталистов»

Рисунок 2 Идеальные точки групп и оптимальная точка при TFP = 0,5

и «рантье» обозначены треугольником и квадратом соответственно, оптимальная точка — крестиком.

Как видно из рисунка, в подобных условиях идеальные точки групп интересов очень удалены друг от друга: «капиталисты» предпочитают инвестирование всех средств государственного бюджета в публичный капитал и низкие налоги, тогда как «рантье» — высокие налоги при скудном финансировании производства общественного блага. Одновременно они удалены от оптимальной точки (идеальная точка «рантье», по понятным причинам, особенно сильно). Последнее означает, что если в качестве общего курса будет выбрана какая-либо из идеальных точек, экономика будет рушиться существенно быстрее, чем при выборе оптимума. Отметим также, что далека от оптимума и любая точка отрезка, соединяющего идеальные точки групп («линии компромисса»). Эта картина, вообще говоря, полностью противоречит утвердившемуся в литературе мнению, что рациональность акторов в сочетании с бесконечным горизонтом планирования обязательно приводит к оптимальному решению. В ситуации «безнадежной экономики», когда уровень продуктивности факторов производства в принципе не способен поддержать экономический рост, наилучшим решением для рациональных акторов будет именно максимизация своих доходов в краткосрочной перспективе, то есть тактика «кочующего бандита» в терминологии Олсона.

Кратко опишем стратегии автократа в ситуации крайне низкого TFP.

А) Стратегия ориентации на группы интересов может быть реализована, по всей видимости, лишь в форме совпадения решения автократа с идеальной точкой одной из групп и подавления (возможно, насильственного) другой группы. Балансировка интересов ($w \approx 0,5$) смысла не имеет, так как «равнодействующая» сильно разошедшихся интересов не устроит ни одну, ни другую группу и риски потери автократом власти возрастут.

Б) Выбор оптимальной точки (ориентация на экономический рост, в данном случае представляющая собой ориентацию на наименьший спад) не выглядит перспективным в силу удаленности этой точки от идеальных точек обеих групп. Следствием такого выбора неминуемо станет низкий уровень поддержки автократа на фоне рецессии.

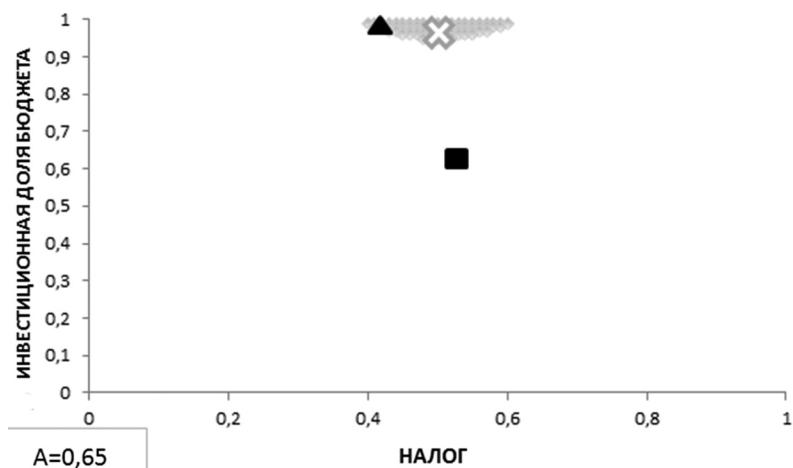
В) Произвольный выбор политики («волюнтаризм») будет в большинстве случаев приводить к очень большим суммарным расстояниям от точки автократа до идеальных точек групп и вместе с тем к очень плохим политическим курсам.

Хороших перспектив для комбинированных стратегий тоже не просматривается. В целом удаленность точек групповых интересов друг от друга, неизбежная для модели с низкой продуктивностью, порождает постоянное внутреннее напряжение.

Повысим TFP до 0,65, когда в пространстве политических курсов появляется «зона успеха», хотя пока еще очень незначительная (пло-

щадь серой области в центральной верхней части *рис. 3* составляет менее 1% от всей политической плоскости).

Рисунок 3 Идеальные точки групп и оптимальная точка при $TFP = 0,65$

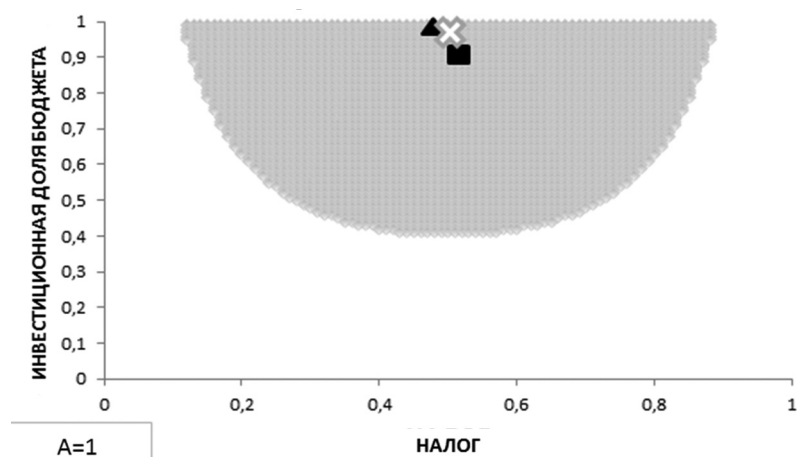

Мы видим существенное сближение позиций групп (прежде всего за счет заметного смещения «рантье» в сторону повышения доли бюджетных инвестиций в общественные блага) и одновременно их движение в сторону оптимальной точки. Тем не менее даже в «не вполне безнадежной» экономике предпочтительная для «рантье» политика приведет к спаду, а предпочтительная для «капиталистов» — к очень медленному росту (их идеальная точка находится на самой периферии «зоны успеха», где темпы роста наименьшие). Практически вся «линия компромисса» лежит вне области роста.

Теперь перейдем сразу к высокому значению TFP (см. *рис. 4*).

По сути, мы наблюдаем здесь завершение процесса, начало которого зафиксировано на *рис. 2*. При более высокой продуктивности факторов производства группы ведут себя в соответствии со стратегией «меньшей доли большего пирога». Так, в ситуации, отраженной на *рис. 4*, «рантье» удовольствуются 10-процентной долей непроизводительных бюджетных расходов, поскольку в перспективе их накопленный доход будет выше за счет роста благосостояния всего общества. Таким образом, исследование модели показывает, что *увеличение общей продуктивности факторов производства приводит к приближению идеальных точек разнородных групп интересов к оптимальной точке и, как следствие, к их сближению между собой*. Особо подчеркнем, что встречное движение интересов является лишь *следствием* их приближения к оптимуму.

Рисунок 4 Идеальные точки групп и оптимальная точка при TFP = 1

В этих условиях любая стратегия автократа будет успешнее, нежели в ситуации низкой продуктивности. Это касается даже произвольного выбора политики (объективно худшего в данных обстоятельствах): с вероятностью 0,44 случайное решение попадет в «область роста». Принципиально важно возникновение в высокопродуктивных системах стимулов к поиску компромиссных решений, обусловленное близостью идеальных точек как друг к другу, так и к оптимуму. Но даже в том случае, если автократ встанет на сторону одной из групп, уровень напряжения будет сравнительно невысоким.

На *рис. 5* показана зависимость расстояния между идеальными точками групп от значения TFP. Самые высокие темпы сближения наблюдаются в тот момент, когда TFP преодолевает критический порог — появляется «область успеха». Переход от «совершенно безнадежной» экономики к «не вполне безнадежной» обозначен вертикальной пунктирной линией.

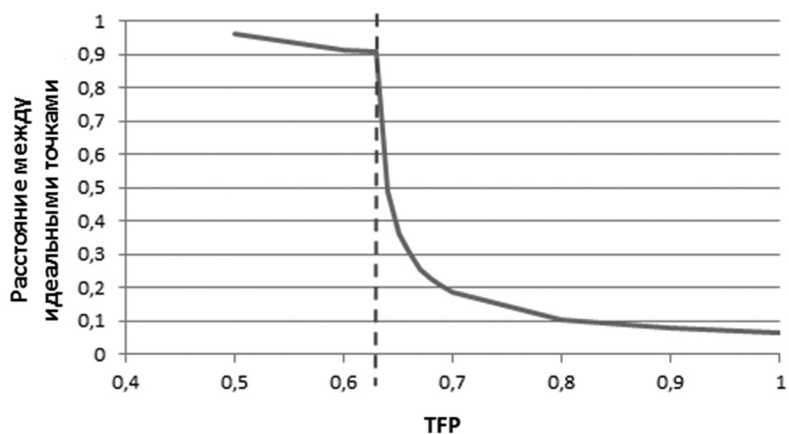
До сих пор мы рассматривали поведение групп с дисконт-факторами, равными единице, что едва ли можно считать реалистичным условием. Покажем, каким образом сокращение горизонта планирования будет влиять на процесс сближения групп в «зоне роста» с увеличением TFP.

Рис. 6 позволяет наглядно сопоставить расстояния между идеальными точками групп в зависимости от TFP при двух значениях дисконтирующего фактора — 1 и 0,9.

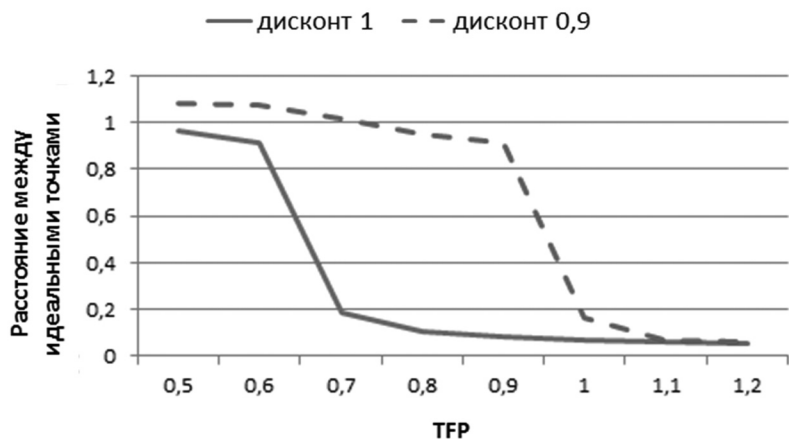
Прежде всего отметим основные различия. Во-первых, сокращение дисконт-фактора порождает запаздывание в сближении идеальных точек в ответ на увеличение продуктивности факторов производства. Фаза быстрого сближения групп с дисконт-фактором, равным единице,

Рисунок 5 Зависимость расстояния между идеальными точками групп от TFP

Рисунок 6 Зависимость расстояния между идеальными точками групп от TFP при различных значениях дисконтирующего фактора

наступает сразу после появления сколь угодно малой «зоны успеха»; для групп с ограниченным горизонтом это происходит лишь тогда, когда площадь «зоны успеха» становится значительной. Иными словами, «близорукие» группы гораздо более склонны игнорировать возможности, связанные с долгосрочным ростом, чем «дальновзоркие».

Во-вторых, при фиксированных значениях TFP идеальные точки «близоруких» групп дальше друг от друга, чем аналогичные точки групп «дальновзорких» (это особенно хорошо видно в самой левой части рис. 6).

В то же время с изменением горизонта планирования общий характер зависимости не меняется. С увеличением продуктивности факторов производства сближение идеальных точек сначала происходит медленно, затем резко ускоряется и наконец стабилизируется в границах «зоны успеха». Таким образом, в принципиальном плане все высказанные ранее предположения о стратегиях поведения автократа должны работать и при более коротких горизонтах планирования. При этом *негативные эффекты сокращения горизонта планирования будут очень ощутимы на низких и средних уровнях продуктивности и почти незаметны на очень высоких*. Все это позволяет рассматривать TFP как фундаментальный средовой фактор автократического правления. Высокая продуктивность факторов производства обеспечивает автократу некую «подушку безопасности», существенно снижая риски ошибок вне зависимости от стратегии принятия решений. Низкий же уровень TFP делает автократическую систему весьма уязвимой.

Эмпирические тесты

Из анализа модели прямо вытекает, что уровень политической стабильности в автократиях должен (в среднем) повышаться вместе с ростом TFP. Протестируем эту гипотезу эмпирически.

⁴⁰ См. Isaksson 2007.

В качестве независимой переменной выбраны страновые оценки TFP, сделанные Андерсом Исакссоном в рамках проекта UNIDO⁴⁰. Зависимая переменная — «политическая стабильность и отсутствие насилия» (Political Stability and Absence of Violence/Terrorism), представляющая собой один из Общемировых индикаторов государственного управления (World Governance Indicators, WGI), измеряемых Всемирным банком⁴¹. Контрольными переменными являются логарифм ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных ценах (по данным Всемирного банка⁴²) и свобода прессы (по оценке «Freedom House»⁴³). Если подушевой ВВП относится к числу «традиционных» контрольных переменных, то использование в этой роли оценок свободы прессы требует небольшого пояснения. Мы исходим из того, что в автократических режимах фактором стабильности может быть насилие со стороны государства в отношении независимых социальных групп, а свобода прессы выступает своего рода грохотом для оценки масштабов его применения.

⁴¹ Описание переменной см. Political Stability s.a.

⁴² GDP s.a.

⁴³ Freedom s.a.

Отбор стран осуществлялся с помощью переменной *polity2*, обобщенно характеризующей политический режим в проекте Polity IV⁴⁴. Помимо «чистых» автократий, в выборку включались также гибридные режимы; другими словами, отбирались страны со значениями переменной *polity2* от –10 до 5.

⁴⁴ Polity IV s.a.

К сожалению, масштабные кросс-страновые измерения TFP имеются только для периода 1960–2000 гг., тогда как первые оценки WGI приходятся на 1996 г. В итоге временной «коридор», охваченный исследованием, составляет 1996–2000 гг.

Основные результаты регрессионного анализа приведены в таб. 1. Полулинейным выделены коэффициенты, значимые на уровне $<0,05$. В скобках указана наблюдаемая статистическая значимость (p -значение).

Таблица 1 Основные результаты регрессионного анализа

<i>Предиктор</i>	(1)	(2)	(3)	(4)
TFP	1,827 (0,000)			6,18 (0,019)
Log ВВП на душу населения		0,239 (0,000)		0,462 (0,21)
Свобода прессы			0,007 (0,061)	-0,07 (0,275)
N	147	1064	121	47

Как видно из таблицы, TFP — единственный предиктор, значимый как самостоятельно (1), так и в сочетании с другими независимыми переменными (4). Он имеет именно тот знак (положительный), который заложен в гипотезу. Уровень благосостояния, фиксируемый ВВП на душу населения, оказывается значимым предиктором только при отсутствии в модели TFP (2). При включении TFP (4) он утрачивает статистическую значимость. Свобода прессы значимым предиктором не является ни при каких условиях.

Проверим теперь гипотезу о связи между TFP и крайней формой политической нестабильности — распадом государства (*state failure*). Фильтрующей переменной для формирования выборки стран с авторитарными и гибридными режимами по-прежнему будет выступать *polity2* из проекта *Polity IV*. В базе данных того же проекта есть номинальная переменная *sf* (*state failure*). Она приобретает значение «1» в случае полного коллапса центральной власти и/или радикальных революционных изменений и значение «0» в остальных ситуациях. Результаты измерений этой переменной и одновременно оценки TFP (вновь проект UNIDO) имеются для 70 стран мира (Алжир, Ангола, Аргентина, Бангладеш, Бенин, Боливия, Буркина Фасо, Бурунди, Габон, Гаити, Гайана, Гамбия, Гана, Гватемала, Гвинея республика, Гвинея-Бисау, Гондурас, Греция, Египет, Замбия, Зимбабве, Индонезия, Иордания, Испания, Камерун, Кения, Китай, Коморские острова, Лесото, Мадагаскар, Мавритания, Малави, Малайзия, Мали, Марокко, Мексика, Мозамбик, Непал, Никарагуа, Нигер, Нигерия, Пакистан, Панама, Папуа Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Португалия, Руанда, Северная Корея, Сенегал, Сингапур, Сирия, Сьерра Леоне, Таиланд, Тайвань, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Чад, Чили, Шри-Ланка, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Эль-Сальвадор, Эфиопия, ЮАР) во временном интервале 1961—2000 гг.⁴⁵

⁴⁵ Для стран, перешедших в рассматриваемый период в категорию демократий (+6 и выше по шкале *Polity IV*), оценки взяты только за те годы, когда в них действовал авторитарный или гибридный режим.

⁴⁶ Значения TFP в базе UNIDO не следует напрямую сопоставлять со значениями TFP в нашей математической модели; оценки по-разному откалиброваны.

Переменная sf разбивает совокупность стран на две группы: те, в которых имел место коллапс государства, и те, в которых такового не было. В первую группу вошли Ангола, Бурунди, Гвинея-Бисау, Коморские острова, Лесото, Никарагуа, Руанда, Уганда, Чад и Эфиопия. Средний уровень TFP⁴⁶ в этой группе составляет около 0,16. Во второй группе среднее значение TFP почти в два раза выше — 0,31. Для проверки предположения о статистической значимости различий между этими средними показателями нами был использован дисперсионный анализ (one-way ANOVA), результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2 Результаты дисперсионного анализа

	SS	Df	MS	F	Sig.
Межгрупповая	0,23	1	0,23	9,22	0,002
Внутригрупповая	53,88	2138	0,03		
Всего	54,11	2139			

Анализ показал, что средний уровень TFP в группе стран с коллапсировавшим государством значимо меньше, чем в группе, где распада государства не было. Таким образом, мы нашли явные эмпирические аргументы в пользу гипотезы о влиянии TFP на уровень политической стабильности в авторитарных режимах.

Заключение

Один из главных выводов нашего исследования состоит в том, что совокупная продуктивность факторов производства играет большую политическую роль, поскольку именно от нее зависит устойчивость экономики по отношению к неудачным политическим решениям. Отсюда следует, что TFP нужно учитывать при анализе политической стабильности, так как истоки нарушения таковой нередко кроются в экономических кризисах. Это заключение подтверждается результатами эмпирического исследования.

Но TFP играет важную политическую роль и еще в одном смысле: при высоких значениях этого показателя гораздо легче согласовывать экономические интересы разных групп общества. Данный вывод релевантен как в плане урегулирования социальных конфликтов, имеющих экономическую подоплеку, так и с точки зрения вероятности выбора «хорошего» экономического курса, когда соответствующее решение принимается под давлением групп интересов.

Проведенное исследование также показывает, что для перспектив экономического роста в авторитарных режимах TFP имеет даже большее значение, чем длинный горизонт планирования у вовлеченных сторон, хотя именно последний фактор находится в центре внимания политической экономии авторитаризма, начиная по крайней мере с рассмотренной выше статьи Олсона.

Наконец, использованный в статье подход к моделированию экономической политики в авторитарном контексте позволяет учитывать сразу три уровня объяснения экономических успехов и неудач: уровень конкретных решений по поводу экономического курса; уровень институтов, в рамках которых принимаются такие решения; уровень фундаментальных характеристик экономики, определяющих перспективы экономического развития.

При этом очевидны направления дальнейшей работы. Так, несомненный интерес представляют получение аналитических решений для экономических стратегий авторитарного лидера; повышение реалистичности модели посредством включения в нее в явном виде интересов самого автократа; больший учет упомянутых в обзоре литературы механизмов, создающих условия для экономического роста; проведение более масштабного и тщательного эмпирического анализа, который позволил бы аккуратнее проверить выдвинутые гипотезы. Распространение модели на любые, а не только авторитарные политические режимы также видится возможным и, бесспорно, перспективным. Кроме того, мы не исключаем, что полученные выводы могут иметь значение для общей теории TFP, прежде всего в плане содержательной интерпретации данного параметра. Важность этого сюжета трудно переоценить, ибо именно в увеличении TFP в последние два столетия нужно искать разгадку современного экономического роста⁴⁷.

⁴⁷ Prescott 1998; Hulten 2001; Easterly, Levine 2001.

Библиография

Даймонд Д. 2010. *Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ*. — М. [Diamond J. 2010. Ruzh'ja, mikroby i stal': Sud'by chelovecheskikh obshhestv. — M.].

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2013. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // *Полис*. № 2 [Melville A.Y., Stukal D.K., Mironyuk M.G. 2013. «Car' gory», ili Pochemu v postkommunisticheskikh avtokratijakh plokhie instituty // *Polis*. № 2].

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М. [North D., Wallis J., Weingast B. 2011. Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. — M.].

Acemoglu D. 2003. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. № 4.

Acemoglu D. 2006. A Simple Model of Inefficient Institutions // *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 108. № 4.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *The American Economic Review*. Vol. 91. № 5.

Acemoglu D., Naidu S. et al. 2014. *Democracy Does Cause Growth: National Bureau of Economic Research Working Paper* (<http://www.nber.org/papers/w20004.pdf>).

Acemoglu D., Robinson J. 2013. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. — N.Y.

Akhremenko A., Petrov A. 2014. *Efficiency, Policy Selection, and Growth in Democracy and Autocracy: A Formal Dynamic Model: NRU Higher School of Economics Political Series Working Paper* (<http://www.hse.ru/data/2014/10/31/1102560406/16PS2014.pdf>).

Alesina A., Özler S. et al. 1996. Political Instability and Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 1. № 2.

Algan Y., Cahuc P. 2010. Inherited Trust and Growth // *The American Economic Review*. Vol. 100. № 5.

Arslanalp S. et al. 2010. *Public Capital and Growth: International Monetary Fund Working Paper* (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2010/wp10175.pdf>).

Barro R. 1973. The Control of Politicians: An Economic Model // *Public Choice*. Vol. 14. № 1.

Battaglini M., Nunnari S., Palfrey T. 2012. Legislative Bargaining and the Dynamics of Public Investment // *The American Political Science Review*. Vol. 106. № 2.

Besley T., Kudamatsu M. 2007. *Making Autocracy Work: London School of Economic and Political Science Working Paper* (http://eprints.lse.ac.uk/3764/1/Making_Autocracy_Work.pdf).

Bueno de Mesquita B., Smith A. et al. 2004. *The Logic of Political Survival*. — N.Y.

Bueno de Mesquita B., Smith A. 2010. Leader Survival, Revolutions, and the Nature of Government Finance // *The American Political Science Review*. Vol. 54. № 4.

Charron N., Lapuente V. 2011. Which Dictators Produce Quality of Government? // *Studies of Comparative International Development*. Vol. 46. № 4.

Crowder W., Himarios D. 1997. Balanced Growth and Public Capital: An Empirical Analysis // *Applied Economics*. Vol. 29. № 8.

Deacon R. 2009. Public Good Provision under Dictatorship and Democracy // *Public Choice*. Vol. 139.

Easterly W., Levine R. 2001. It's Not Factor Accumulation: Stylized Facts and Growth Models // *The World Bank Economic Review*. Vol. 15. № 2.

Freedom of the Press (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-press#.VZ6ckfntlBd>).

Gallup J., Sachs J., Mellinger A. 1998. *Geography and Economic Development: National Bureau of Economic Research Working Paper* (<http://www.nber.org/papers/w6849.pdf>).

Gandhi J., Przeworski A. 2007. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. № 11.

GDP per Capita in Constant 2005 US\$ (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD>).

Glaeser E., La Porta R. et al. 2004. Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9. № 3.

Guerin S., Manzocchi S. 2009. Political Regime and FDI from Advanced to Emerging Countries // *Review of World Economics*. Vol. 145.

Haber S. 2008. Authoritarian Government // Ritchie D., Weingast B. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Economy*. — Oxford.

Hall R., Jones C. 1999. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114. № 1.

Harberger A. 1998. A Vision of the Growth Process // *The American Economic Review*. Vol. 88. № 1.

Hellman J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. Vol. 50. № 2.

Holcombe R., Boudreaux C. 2013. Institutional Quality and the Tenure of Autocrats // *Public Choice*. Vol. 156. № 3—4.

Hulten C. 2001. Total Factor Productivity: A Short Biography // *National Bureau of Economic Research Chapter* (<http://www.nber.org/chapters/c10122.pdf>).

Isaksson A. 2007. *World Productivity Database: A Technical Description: United Nations Industrial Development Organization Working Paper* (https://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/documents/world_productivity_database_technical_description.pdf).

Jones B., Olken B. 2005. Do Leaders Matter? National Leadership and Growth Since World War II // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 120. № 3.

Kamps C. 2005. The Dynamic Effects of Public Capital: VAR Evidence for 22 OECD Countries // *International Tax and Public Finance*. Vol. 12. № 4.

Keefor P., Knack S. 2007. Boondoggles, Rent-Seeking, and Political Checks and Balances: Public Investment under Unaccountable Governments // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 89. № 3.

Kurrild-Klitgaard P., Svendsen G. 2003. Rational Bandits: Plunder, Public Goods, and the Vikings // *Public Choice*. Vol. 117. № 3—4.

Kurzman C., Werum R., Burkhart R. 2002. Democracy's Effect on Economic Growth: A Pooled Time-Series Analysis, 1951—1980 // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. № 1.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. 2008. The Economic Consequences of Legal Origins // *Journal of Economic Literature*. Vol. 46. № 2.

Licht A., Goldschmidt C., Schwartz S. 2007. Culture Rules: The Foundations of the Rule of Law and Other Norms of Governance // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 35. № 4.

Magaloni B. 2008. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. № 4—5.

- McGuire M.**, Olson M. 1996. The Economic of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. № 1.
- North D.**, Wallis J., Weingast B. 2009. Violence and the Rise of Open-Access Orders // *Journal of Democracy*. Vol. 20. № 1.
- North D.**, Weingast B. 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutional Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *The Journal of Economic History*. Vol. 49. № 4.
- Olson M.** 1993. Dictatorship, Democracy and Development // *The American Political Science Review*. Vol. 87. № 3.
- Pereira A.**, Roca-Sagales O. 2003. Spillover Effects of Public Capital Formation: Evidence from the Spanish Regions // *Journal of Urban Economics*. Vol. 53. № 2.
- Polishchuk L.**, Syunyaev G. 2014. *Ruling Elites' Rotation and Asset Ownership: Implications for Property Rights: OS Working Paper* (http://www.dokumente.ios-regensburg.de/publikationen/wp/wp_343.pdf).
- Political Stability and Absence of Violence/Terrorism** (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/pv.pdf>).
- Polity IV Annual Time Series, 1800—2014** (<http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2014.xls>).
- Prescott E.** 1998. Lawrence R. Klein Lecture 1997 Needed: A Theory of Total Factor Productivity // *International Economic Review*. Vol. 39. № 3.
- Przeworski A.** 2004. Institutions Matter? // *An International Journal of Comparative Politics*. Vol. 39. № 4.
- Przeworski A.**, Alvarez M. et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being the World, 1950—1990*. — N.Y.
- Rigobon R.**, Rodrik D. 2005. Rule of Law, Democracy, Openness, and Income: Estimating the Interrelationships // *Economic of Transition*. Vol. 13. № 3.
- Rivera-Batiz F.** 2002. Democracy, Governance and Economic Growth: Theory and Evidence // *Review of Development Economics*. Vol. 6. № 2.
- Robinson J.**, Torvik R. 2005. White Elephants // *Journal of Public Economics*. Vol. 89. № 2—3.
- Rodrik D.** 2000. Institutions for High-Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 35. № 3.
- Rodrik D.**, Subramanian A., Trebbi F. 2004. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9. № 2.
- Shen L.** 2007. When Will a Dictator Be Good? // *Economic Theory*. Vol. 31. № 2.
- Tabellini G.** 2008. Presidential Address: Institutions and Culture // *Journal of Economic Association*. Vol. 6. № 2—3.
- Tilly C.** 1985. War Making and State Making as Organized Crime // Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.) *Bringing the State Back in*. — Cambridge.

- Wintrobe R.** 2000. *The Political Economy of Dictatorship*. — N.Y.
- Wintrobe R.** 2009. Dictatorship: Analytical Approaches // Boix C., Stokes S. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. — Oxford.
- Woolcock M.** 1998. Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework // *Theory and Society*. Vol. 27. № 2.
- Woolcock M., Narayan D.** 2000. Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy // *The World Bank Research Observer*. Vol. 15. № 2.

Приложение Характеристики вычислительного эксперимента

Эксперименты проводятся в программной среде MatLab. Для всех экспериментов зафиксированы следующие значения параметров:

$$\sigma = 0,5 \text{ — эластичность;}$$

$$K_{t=0} = 100, G_{t=0} = 100 \text{ — начальные условия}^{48}.$$

Длительность всех вычислительных экспериментов — 100 периодов времени.

Общий алгоритм вычислительного эксперимента:

- 1) фиксируется значение общей продуктивности факторов производства A ;
- 2) фиксируется значение дисконт-фактора $\sigma = \psi$;
- 3) рассчитываются значения функций полезности каждой из групп интересов для всех возможных комбинаций управляющих параметров (τ, γ) с шагом 0,01 для каждого параметра (всего 8100 реализаций);
- 4) находятся максимумы функций полезности для каждой из групп и соответствующие идеальные точки (наиболее предпочтительные курсы) в пространстве экономической политики;
- 5) оценивается расстояние между идеальными точками двух групп интересов;
- 6) оценивается долгосрочный экономический эффект выбора идеальных точек групп в качестве реального политического курса.

Проводятся две серии вычислительных экспериментов:

- I) с фиксированной общей продуктивностью факторов производства (пункт 1 алгоритма) и меняющимся от эксперимента к эксперименту значением дисконт-фактора (пункт 2);
- II) с фиксированным значением дисконт-фактора и меняющейся общей продуктивностью факторов производства.

Это позволяет проанализировать по отдельности влияние (а) общей эффективности экономики и (б) горизонта планирования групп интересов на относительное положение их идеальных точек в пространстве политических курсов, а также на перспективы экономического роста.

⁴⁸ Можно показать аналитически, что начальные условия не влияют на поведение модели в стационарных режимах.